

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ш.Ш.УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ ТАРИХ
ЖӘНЕ ЭТНОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

«EDU.E-HISTORY.KZ» ЭЛЕКТРОНДЫҚ ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

№1 (29) қаңтар-наурыз 2022

ISSN 2710-3994

Бас редактор:

Қабылдинов Зиябек Ермұқанұлы

Редакциялық алқа:

Абашиин Сергей Николаевич – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Санкт-Петербургтегі Европа университеті (Ресей)

Абдырахманов Толобек Абылович – тарих ғылымдарының докторы, профессор, И. Арабаев атындағы Қызғыз мемлекеттік университетінің ректоры. (Қырғызстан)

Аяған Бүркітбай Фелманұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Мемлекет тарихы институты директорының орынбасары. (Қазақстан)

Әлімбаи Нұрсан – тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Қазақстан Республикасы Орталық мемлекеттік музейінің директоры. (Қазақстан)

Әбусейтова Меруерт Қуатқызы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА корр.-мүшесі. ҚР БжҒМ ҒК Р. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының «Тарихи материалдарды зерттеу» орталығының директоры. (Қазақстан)

Әбіл Еркін Аманжолұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Мемлекет тарихы институтының директоры. (Қазақстан)

Голден Кэтті Стромайл (Kathie Stromile Golden) – PhD, Миссисипи өңірлік мемлекеттік университеті (Mississippi Valley State University) (АҚШ)

Кәрібаев Берекет Бақытжанұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, «Қазақстан тарихы» кафедрасының меңгерушісі. (Қазақстан)

Қожамжарова Дария Пернешқызы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университетінің ректоры. (Қазақстан)

Кожирова Светлана Басиевна – саясаттану ғылымдарының докторы, профессор, Фудан Университетінің Қытай және Орталық Азияны зерттеу орталығының мен «Астана» ХҒК бірлескен директоры (Қазақстан)

Козодой Виктор Иванович – тарих ғылымдарының докторы, профессор. (Ресей)

Көкебаева Гүлжауһар Какенқызы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты (Қазақстан)

Көмеков Болат Ешимұхамедұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Халықаралық қыпшақтану институтының директоры, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры. (Қазақстан)

Матыжанов Кенжехан Исламжанұлы – филология ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА корр.-мүшесі, М.О. Әуезов атындағы әдебиет және өнер институтының директоры. (Қазақстан)

Моррисон Александр (Morrison Alexander) – PhD, профессор Оксфордского университета (Великобритания)

Муртазаева Рахборхон Хамидқызы – тарих ғылымдарының докторы, Мирзо Ұлықбек атындағы Өзбекстан ұлттық университеті «Өзбекстан тарихы» кафедрасының профессоры. (Өзбекстан)

Панто Дмитрий (Panto Dmitri) – PhD доктор, Гданьск қаласындағы Екінші дүниежүзілік соғыс мұражайының ғылыми қызметкері. (Польша)

Римантас Желвис (Želvyus Rimantas) – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Вильнюс педагогикалық университеті (Литва)

Самашев Зайнолла Самашұлы – археолог, тарих ғылымдарының докторы, профессор, Герман археология институтының корр.-мүшесі. ҚР БҒМ ҒК Ә. Марғұлан атындағы Археология институты. (Қазақстан)

Сайлан Болат Санабайұлы – тарих ғылымдарының докторы, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті. (Қазақстан)

Смағұлов Оразақ Смағұлұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Балон ғылым академиясының корр.-мүшесі, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы сыйлықтың лауреаты, ғылым мен техниканың еңбек сіңірген қайраткері, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры. (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)

Сыдықов Ерлан Бәтташұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ректоры. (Қазақстан)

Таймағамбетов Жәкен Қожахметұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, ҚР Ұлттық музейі. (Қазақстан)

Жауапты редактор:

Қаипбаева Айнагүл Толғанбайқызы

Ғылыми редактор:

Қозыбаева Махаббат Мәлікқызы

Редактор:

Кубеев Рустем Жаулыбайұлы

Жауапты хатшы:

Қоңқабаева Арайлым

Техникалық хатшы:

Хумарзах Алтынбек

Главный редактор:
Кабульдинов Зиябек Ермуханович

Редакционная коллегия:

Абашиин Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия)

Абдырахманов Толобек Абылович – доктор исторических наук, профессор, ректор Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева (Кыргызстан)

Алимбай Нурсан – кандидат исторических наук, профессор, директор Центрального государственного музея Республики Казахстан (Казахстан)

Абусейтова Меруерт Хуатовна – доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. НАН РК, директор Республиканского центра по изучению исторических материалов Института востоковедения имени Р.Б. Сулейменова (Казахстан)

Абиль Еркин Аманжолович – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории государства КН МОН РК (Казахстан)

Аяган Буркитбай Гелманович – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории государства КН МОН РК (Казахстан)

Голден Кэтни Стромайл (Kathie Stromile Golden) – PhD, Государственный университет долины Миссисипи (Mississippi Valley State University) (США)

Исмагулов Оразак Исмагулович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, член-корр. Болонской академии наук, лауреат премии им. Ч.Ч. Валиханова, заслуженный деятель науки и техники, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Казахстан)

Карибаев Берекет Бахытжанович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, заведующий кафедрой истории Казахстана, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Казахстан)

Кожамжарова Дария Пернешовна – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, ректор Южно-Казахстанского университета им. М. Ауэзова (Казахстан)

Кожирова Светлана Басиевна – доктор политических наук, профессор, содиректор Центра исследования Китая и Центральной Азии Фуданьского Университета и МНК «Астана», руководитель Центра китайских и азиатских исследований (Казахстан)

Козодой Виктор Иванович – доктор исторических наук, профессор (Россия)

Кокебаева Гульжаухар Какеновна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова КН МОН РК (Казахстан)

Кумеков Болат Ешмухамбетович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, директор Международного института кипчаковедения Казахского национального университета имени аль-Фараби, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Казахстан)

Матыжанов Кенжехан Слямжанович – доктор филологических наук, профессор, чл.-корр. НАН РК, директор Института литературы и искусства им. М. Ауэзова (Казахстан)

Моррисон Александр (Morrison Alexander) – PhD, профессор Оксфордского университета (Великобритания)

Муртазаева Рахборхон Хамидовна – доктор исторических наук, профессор кафедры «Истории Узбекистана» Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека. (Узбекистан)

Панто Дмитрий (Panto Dmitri) – доктор PhD, профессор, главный специалист научного отдела Музея Второй мировой войны г. Гданьска (Польша)

Римантас Желвис (Želvyis Rimantas) – доктор педагогических наук, профессор, Вильнюсский педагогический университет (Литва)

Самашев Зайнолла Самашевич – археолог, доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. Германского археологического института. Институт археологии им. А.Маргулана КН МОН РК (Казахстан)

Сайлан Болат Санабаевич – доктор исторических наук, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Казахстан)

Сыдыков Ерлан Батташевич – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, ректор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан)

Таймагамбетов Жакен Кожжахметович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, Национальный музей РК (Казахстан)

Ответственный редактор:

Каипбаева Айнагуль Толганбаевна

Научный редактор:

Козыбаева Махаббат Маликовна

Редактор:

Кубеев Рустем Джаулыбайулы

Ответственный секретарь:

Конкабаева Арайлым Нурболатовна

Технический секретарь:

Хумарзах Алтынбек

Editor-In-Chief:

Kabuldinov Ziabek Ermukhanovich

Members of editorial board:

Abashin Sergei Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, European University at St. Petersburg (Russia)

Abdyrakhmanov Tolobek Abylovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector of I. Arabaev Kyrgyz State University (Kyrgyzstan)

Alimbay Nursan – Candidate of Historical Sciences, Professor, Director of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan)

Abusseitova Meruert Khuatovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the NAS RK, Director of the Republican Center for the Study of Historical Materials at R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (Kazakhstan)

Abil Yerkin Amanzholovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of History of the State CS MES RK (Kazakhstan)

Ayagan Burkitbai Gelmanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of History of the State CS MES RK (Kazakhstan)

Golden Kathie Stromile – PhD, Mississippi Valley State University (USA)

Ismagulov Orazak Ismagulovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Corresponding Member of Bologna Academy of Sciences, winner of Ch.Ch. Valikhanov Award, Honored Worker of Science and Technology, Professor of L.N. Gumilyov University (Kazakhstan)

Karibayev Bereket Bakhytzhonovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Head of the Department of History of Kazakhstan, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Kozhamzharova Daria Perneshevna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the NAS of the Republic of Kazakhstan, rector of the M. Auezov South Kazakhstan University (Kazakhstan)

Kozhirova Svetlana Bassieвна – Doctor of Political Science, Professor, Co-Director of the Center for the Study of China and Central Asia of Fudan University and the International Scientific Complex of the National Company "Astana", Head of the Center for Chinese and Asian Studies (Kazakhstan)

Kozodoi Viktor Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)

Kokebayeva Gulzhaukhar Kakenovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, chief researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology CS MES RK (Kazakhstan)

Kumekov Bolat Eshmukhambetovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Director of the International Institute of Kipchak Studies of the Al-Farabi Kazakh National University, Professor at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan)

Matyghanov Kenzhekhan Slyamzhanovich – Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the NAS RK, Director of M. Auezov Institute of Literature and Art (Kazakhstan)

Morrison Alexander – PhD, Professor, University of Oxford (UK)

Murtazayeva Rakhborkhon Khamidovna – doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of «History of Uzbekistan» of Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan. (Uzbekistan)

Panto Dmitri – PhD, researcher at the Museum of the Second World War in Gdansk (Poland)

Rimantas Želvyys – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vilnius Pedagogical University (Lithuania)

Samashev Zainolla Samashevich – archaeologist, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of German Archaeological Institute. A. Marghulan Institute of Archeology CS MES RK (Kazakhstan)

Sailan Bolat Sanabayevich – Doctor of Historical Sciences, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Sydykov Erlan Battashevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Rector of L.N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan)

Taimagambetov Zhaken Kozhakhmetovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, National Museum of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan)

Executive Editor:

Kaipbayeva Ainagul Tolganbayevna

Scientific Editor:

Kozybayeva Makhabbat Malikovna

Editor:

Kubeyev Rustem Dzhaulybayevich

Executive Secretary

Konkabayeva Arailym Nurbolatovna

Technical secretary:

Khumarzak Altynbek

https://doi.org/10.51943/2710-3994_2022_29_1_205-217

МЕННОНИТЫ В ТУРКЕСТАНЕ: ПРОЦЕССЫ ДИАСПОРИЗАЦИИ

Д.М. Иноятова*

Национальный университет Узбекистана имени М. Улугбека, Узбекистан, Ташкент

*Корреспондирующий автор

E-mail: indima59@mail.ru (Иноятова)

Аннотация. В статье рассматриваются этапы формирования диаспоры немцев-меннонитов на территории Туркестана. Массовое переселение немцев-меннонитов в числе других российских народов из России, и формирование ими диаспоры на территории Туркестана началось со второй половины XIX века. Анализ исследования в контексте проблемы диаспоральности показал, что огромную роль в этом играли именно добровольные миграционные процессы, которые происходили в русле вторичных миграционных потоков, прежде всего из поволжских, таврических и центральных районов России. Согласно результатам исследования причины миграций дифференцированы как политические, экономические и религиозные, которые находятся в тесной взаимосвязи между собой. В статье анализируются исторические предпосылки складывания диаспоры в Туркестане: сложности миграционного процесса; образования немецких поселений (создавали свои общины (диаспоры) не по национальному, а по религиозному принципу, аналогичные той, из которой прибыли); проблемы адаптации её к новым условиям обитания; взаимоотношения с местным населением; интеграции её в инокультурной среде, сохранение ею идентичности и самобытности; изменения численности населения. В заключении мы отмечаем, что меннониты, сумели не только хорошо адаптироваться в азиатских условиях, но и внести свой вклад в развитие экономики и культуры края.

Ключевые слова: Туркестан, Россия, Хивинское ханство, акмечетские меннониты, аулиеатинские меннониты, лютеране, миграция, адаптация.

Введение. Рубеж XX–XXI вв., характеризующийся радикальными изменениями во всех сферах жизни общества, сопровождается массовыми перемещениями населения, становящимися глобальными по своим масштабам. Оказавшись на новом месте, они, как правило, стремятся объединиться в диаспору, чтобы не только выжить, но и сохранить свои обычаи, традиции, язык в чуждой для них среде. Изучение феномена этнических диаспор необходимо для осмысления важной роли, которую они играют в жизни материнских этносов, и принимающих обществ.

В Узбекистане создаются условия для сохранения и развития своей национальной культуры, обычаев и традиций представителям более 130 наций и народностей. В государственной политике, направленной на обеспечение межнационального согласия и межконфессиональной толерантности, особое внимание обращено вопросам укрепления среды единой многонациональной семьи, воспитания молодежи в духе уважения к национальным и общечеловеческим ценностям, любви к Родине и широкой пропаганде миролюбивой политики нашей страны.

Среди многонационального народа есть последователи всех мировых религий. В условиях межрелигиозной толерантности в стране официально зарегистрировано свыше 2330 религиозных организаций, относящихся к 16 различным конфессиям, среди них 2139 мусульманских организаций, 174 христианских организаций, 8 еврейских общин, 6 общин бахаи, одно общество кришнаитов и один буддийский храм, а также межконфессиональное Библейское общество Узбекистана (Махсудов, 2022).

Узбекистан обладает уникальным опытом межконфессионального диалога и сотрудничества. В данной статье речь пойдет об образовании в Туркестане диаспор немцев-меннонитов и об опыте толерантного взаимодействия местного населения с представителями переселенцев иной веры.

Материалы и методы. При исследовании данной проблемы, диаспоризации меннонитов в Туркестане, автором использован широкий круг материалов, который базируется на комплексе источников. Особое место среди них отводится опубликованным источникам (монографии, сборники трудов, справочники, статьи и др.), и не опубликованным (документы, извлеченные из архивов), многие из которых впервые введены автором в научный оборот. Особую группу опубликованных источников составили законы и нормативные акты, характеризующие правовое положение немецкой диаспоры

В статье использованы такие методы исследования, как принцип историзма и последовательности, объективности, а также методы проблемно-хронологического анализа, междисциплинарный подход, а также метод устной истории.

Обсуждение. Тема меннонитов в последние десятилетия привлекает внимание многих ученых историков Центральной Азии. Но, среди них, я бы хотела выделить, прежде всего, Г. Кронгарда, В. Кригера. Ими написаны монографии (Кронгард, 1997, Кригер, 2006), в которых большое внимание уделено меннонитам в Центральной Азии, в частности меннонитам Аулиеаты. В Узбекистане изучением истории меннонитов стали заниматься с начала 90-х годов XX века, после обретения Узбекистаном своей независимости. Ранее тема меннонитов никем серьезно не изучалась. Причиной не изученности данной темы является то, что меннониты, проживавшие в колониальный, а затем и в советский периоды, как в России, так и в Центральной Азии ассоциировались в сознании властей как немцы-крестьяне-сектанты. Более того, имперская власть хорошо знала, что меннониты очень трудолюбивые и могут быть полезны в сельском хозяйстве, и поэтому предоставляла им льготы по части воинской службы. Тогда как советское правительство, с конца 1930-х гг. уже не делало различий в правовом отношении между немцами и меннонитами и подвергало их репрессиям. Возможно, если бы меннониты в паспорте, в графе «национальность» писали бы «голландцы», а не «немцы» думаем, что их судьба была бы менее трагичная во время второй мировой войны. Необходимо отметить, что в дореволюционной и советской литературе меннонитов часто называли немцами из-за немецкого языка, на котором они говорили. А так как тема «немцев» была нежелательна для исследования в советский период, вместе с ними не изучались и меннониты. Тем не менее, в 70-х годах XIX века была опубликована только одна статья, написанная проф. Матвеевым А.М. (Матвеев, 1970), посвященная выходцам из Германии в Туркестане. Однако тема меннонитов не являлась предметом специального исследования в его статье.

С конца 80-х годов XX века В.Г. Чеботарева, В.Л. Гентшке, Н.Х. Кнауэр, Л. Жукова посвятили свои научные статьи меннонитам Узбекистана.

Глубокое исследование истории меннонитов, в частности на территории Узбекистана, показало, что этим вопросом никто всерьез не занимался. Данные о меннонитах мы находим среди отчетов ревизоров, статистических данных, в работах краеведов. Достаточно большой материал находится в Центральном Государственном архиве Республики Узбекистан. Однако картину их реальной жизни, взаимоотношения между собой, с коренными народами, их радости и отчаяния сложно представить по сухим отчетам и справкам. Большую помощь в решении этого вопроса нам оказали местные жители, проживающие в хивинском районе Чирикчи. О первых годах переселения Меннонитов в Туркестанский край за период с 1880-1884 гг., о тех трудностях, пережитых ими в пути, мы узнали из книги Фреда Ричарда Белка (Belk, 2001).

Результаты. *Появление меннонитов в Туркестане.* С древнейших времен на территории Центральной Азии проживали представители различных народов, называемые хорезмийцами, бактрийцами, согдийцами, парфянами, дахами, саками, массагетами, потомки которых со временем стали называться узбеками, казахами, кыргызами, туркменами, таджиками и т.д. Большинство народов Центральной Азии были мусульманами, и исповедовало Ислам, хотя были

и представители буддизма и христианства. Территория Центральной Азии отличалась религиозной толерантностью. Начиная со второй половины XIX в. этнический состав населения Туркестана менялся в сторону еще большего увеличения числа представителей различных этносов. Увеличению европейского этноса способствовало, в первую очередь, завоевание региона Российской империей. Проведение властями переселенческой политики, принятие в 1886 г. «Положения об управлении Туркестанским краем» дало право русским и иностранным подданным приезжать и обустраиваться в Средней Азии. В связи с этим правом в Туркестан хлынул поток европейцев и азиатов. Среди европейцев, преобладали славяне (русские, украинцы, белорусы), немцы, татары, евреи, меньше было, поляков, финнов, греков, шведов, датчан. Переселенцы отличались не только полиэтничностью, но и многообразием вероисповеданий. Среди них были – православные (большинство), католики, лютеране, протестанты, сектанты, григорианцы, иудеи, индусы и др. Каждый из этих народов привнес с собой свою культуру, обычаи, традиции.

Одновременно с российскими подданными с различными интересами прибыло в край 700-800 европейцев-иностранцев, которые являлись подданными иностранных государств (Германии, Франции, Италии, Англии, Дании и др.). Заметим, что одновременно с европейцами появлялись и азиаты, среди которых преобладали кашгарцы, таранчи, персы, азербайджанцы, курды и арабы (НАУз., 25:16). В результате значительно увеличилась этническая мозаичность региона.

В этот период вместе с продвижением царских войск в Туркестан прибывает большой поток немцев, находившихся в составе воинского контингента, в числе офицеров высшего и среднего состава, рядовых царской армии. За армией следовали административные чиновники, занимавшие посты в управлении и гражданских службах. Это были преимущественно выходцы из балтийских (остзейских) провинций – подданные России, которые за многие десятилетия накопили опыт военной службы и охотно служили в царской армии. По мере хозяйственно-экономического освоения края здесь появлялись гражданские служащие, чиновники, предприниматели, представители научной интеллигенции. Второй группой были немцы-крестьяне, появившиеся в последней четверти XIX в. Селились они компактно, образуя общины (диаспоры), аналогичные той, из которой прибыли.

Исследование истории немецкой диаспоры Узбекистана показало, что немецкая этническая группа не представляла собой фактически единой общности в конфессиональном отношении. Среди них были лютеране, меннониты, реформаторы, позднее – адвентисты и баптисты, в незначительном количестве католики и православные. Большинство немецкоязычного населения было приверженцами лютеранского вероисповедания (около 70%), часть меннонитами (20%), а остальные (10%) были католиками, православными, адвентистами и баптистами. Католиков среди немцев было меньше, поэтому они вместе с поляками и другими европейцами, исповедовавшими католицизм, объединялись в римско-католический приход (общину).

В Туркестане создание и заселение компактных немецких поселений, как и в царской России, происходило не по национальному, а по религиозному признаку. Разделение же по конфессиональному признаку на лютеран и меннонитов позволяет выделить их в отдельную диаспору немецкого населения Туркестана, отличную от обрусевших и перешедших в православие этнических немцев, предки которых на протяжении длительного времени жили в пределах Российской империи, преимущественно в городах. Поэтому прибывавшие в край немцы по месту компактного проживания образовывали религиозно-земляческие общины (диаспоры), идентичные тем с которых они прибыли.

В данной статье речь пойдет об общинах меннонитов, обосновавшихся в этот период на территории Туркестана.

Меннонитство - одно из течений протестантской церкви. Отличается «миролюбивым и умеренным» характером. Никогда не призывает к насилию и злу. Заставляет задуматься о смысле всей жизни вообще, о самосовершенствовании и развитии своей души. Представляет собой евангелическое вероисповедание. Секта меннонитов возникла в конце первой трети XVI века в

ходе реформации в Нидерландах. Во главе этого движения в анабаптизме стоял бывший священник Менно Симоне (1496-1561 гг.). Меннониты жили в конфессионально-территориальной обособленности от окружающего населения в силу религиозных запретов, не контактировали с ним (исключение – деловые отношения). Они отличались характером расселения, религиозной принадлежностью, образом жизни и особенностями этнического сознания. Подавляющее их большинство занималось земледелием, воспринимаемым как следование библейским предписаниям, религиозная обязанность. Помимо собственной трактовки христианского учения, меннониты придерживались определенных моральных принципов. Они проповедовали строгое отношение к труду, бескорыстное участие в делах общины, поддержку ближнего, обязательную грамотность, отказ от воинской повинности и государственной службы. Усиление репрессий вынудило многих меннонитов эмигрировать из Нидерландов. За 45 лет (1521-1556 гг.), прошедших со времени издания первого «плаката» против еретиков, в Нидерландах было казнено и изгнано из страны свыше 50 тыс. человек. Большинство изгнанников в XVI в. оседают в Северной Германии и Восточной Фрисландии. В конце XVIII века, из-за ухудшения положения в Пруссии, меннониты снова стали искать место для миграции.

Принятый в 1763 году Екатериной II, «колониционный» манифест, разрешающий иностранцам «въезжать и селиться, где только пожелают на постоянное жительство», а главное, предоставляемые при этом льготы (свобода вероисповедания, выдача земельных наделов, освобождение от воинской повинности, от казенных податей, право самоуправления) устраивали меннонитов. Первая партия меннонитов в составе 228 семейств прибыла в 1789 г. в Россию. Они селились главным образом в Поволжье, а также в Таврической, Екатеринославской и других губерниях Российской империи. К 1873 г. в России насчитывалось 5 меннонитских округов. Однако, реформы, проводимые в 1870-е годы в России были направлены на сокращение экономических льгот иностранцев, которые ущемили права сельских немцев и привели их к обезземеливанию. В частности, «Закон о всеобщей воинской повинности», принятый в 1874 г. в России ущемил религиозные права меннонитов и способствовал их массовой миграции в Туркестан.

Необходимо заметить, что появление меннонитов именно в Туркестане было явлением не случайным. В первую очередь этому способствовал сам первый Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, который хорошо знал, что представляет собой меннонитская община. К.П. фон Кауфман был заинтересован в прогрессе и опережающем развитии своего хозяйства на базе европейских технологий. Ему было известно, что и в самой России меннонитские хозяйства считаются более передовыми, богатыми, чем другие хозяйства. Видимо, благодаря меннонитам он хотел обогатить новыми технологиями производства Туркестанский регион, которым стал управлять. Поэтому он уговорил делегацию от меннонитов, которые пытались отправиться на Кавказ, переселиться в Туркестан. Он лично ходатайствовал перед Александром II о разрешении их переселения в Туркестан.

Меннониты несколькими партиями в 1880 и 1884 гг. переселились в Туркестан. Каждая партия находилась в пути около 15 недель. Переселение их было очень тяжелым. Маршрут их пролегал по степи и безводной пустыне и был очень опасным. В дороге из-за болезней и трудностей многие умерли, не добравшись до новых мест.

Первые партии меннонитов были встречены лично Кауфманом, который, распорядился выделить им земли в Аулиеатинском уезде Сырдарьинской области и обеспечить их всем необходимым. На 80 семейств они получили 1040 десятин земли, по 13 десятин на каждое семейство. Ташкентское областное казначейство, открыло им кредит на 1 500 рублей для выдачи ссуд на покупку семян. Разрешалось выдавать по 25 рублей на семью. Долг предлагалось погасить в течение 3 лет. Кроме того, меннонитам было дано разрешение вырубать по 20 деревьев на семью для постройки дома, но с условием, чтобы они взамен высадили по 25 саженцев за каждое срубленное дерево и обеспечили уход за ними (НАУз., 36:9). Но вскоре К.П. Кауфман, тяжело заболел и умер и вопросами по обустройству меннонитов занимались другие люди.

Таким образом, меннониты из Таврической и Самарской губерний основали в Аулиеатинском уезде Сырдарьинской области меннонитские общины: Николайполь, Гнаденталь, Гнаденфельд и Кеппенталь. Эти четыре селения образовали Николайпольскую меннонитскую общину, под общим названием Николайполь. Каждое селение располагалось в километре друг от друга. В 1893 г селениям были присвоены администрацией русские имена: Андреевка, Владимировка и Романовка (НАУз., 7: 51). Другая часть меннонитов, 40 семейств не желая подчиняться российским законам и оставаться в Туркестанском генерал-губернаторстве, с большими трудностями поселилась в Хивинском ханстве, образовав в 1884 г. свое поселение в Ак-Мечеть.

Как отмечал Г. Кронгардт при заселении на новом месте меннонитами учитывалось место выезда и принадлежность к одной из религиозных сект меннонитского вероучения. Так, село Романовку заселили переселенцы из Самарской губернии, принадлежавшие к «церковно-меннонитской общине», а Николайполь, Андреевку и Владимировку – в основном выходцы из Молочанского уезда Таврической губернии, принадлежавшие к «Меннонитской братской общине» (Штремплер, 1972: 6) (её ещё называли «Община братьев Петерса»). В Хивинском ханстве поселились самарские меннониты, возглавляемые К. Эппом, хотя среди них были и молочанские меннониты тоже (Belk, 2001: 87). Таким образом, в Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства обосновались в основном Меннонитские общины, возглавляемые братом Петерсом, а в Хивинском ханстве, возглавляемые К. Эппом.

Жизнь в общине. Меннониты, поселившись на новых местах, стали постепенно осваиваться. Первые два года были особенно тяжелыми для них. Другие климатические условия, искусственное орошение полей, не знакомое для меннонитов, приводило к необходимости освоения новых навыков по обработке земли. Кроме того чуждая местная мусульманская культура, непонятный язык, еще больше спланивала их в общине. Переселившись, они начали строить дома на новый для них манер, то есть глиняные из местных материалов. Их постройки внешне были похожи на дома местных жителей, хотя их отличали тем, что у них были деревянные оконные рамы (со стеклами) и двери. Внутреннее убранство комнаты тоже резко отличалось: полы были деревянные, имелась мебель (шкафы для одежды и кухонные, столы, стулья, табуретки, скамейки, кровати, швейные машинки, различные полки и шкатулки). Как отмечал Н.С. Лыкошин, побывавший в 1912 г. в гостях у «Ак-Мечетских» меннонитов «... Все маленькие домики немецкого (имелось в виду меннонитского – Д.И.) поселка на диво чисто содержались, и в каждом домике имелась непременно уютная убранная гостиная». Одновременно общими усилиями в каждом селении на средства членов общины обязательно строился молитвенный дом и школа. Грамотность обязательна была для всех, каждый меннонит умел читать и писать.

Меннониты представляли собой весьма отличительные в социальном плане общины. Большое значение в их жизни имело общественное управление, во главе которого стоял староста. Общественное управление оказывало большое влияние на все стороны хозяйственной, личной и общественной жизни своих членов. Оно сосредоточивало внимание членов общин на соблюдении религиозных сектантских правил и собственных хозяйственных интересов и т.д. Так, например, вся община хивинских меннонитов строго следила за тем, чтобы прибыль от заработков мастеровых в Хиве распространялась равномерно, и, когда один из предпринимателей артельной работы достигал известной степени благосостояния, по решению общины он передавал своё дело следующему избранному члену колонии (менее состоятельному). Так уравнивалась в общине прибыль, и избегалось засилье одного предпринимателя.

На наш взгляд, каждая меннонитская общины в отличие от других европейских общин, в частности, от славянских, и даже немецких, существует как одна большая семья. Роль общины в их жизни имеет большое значение. Меннониты поддерживали тесные связи с меннонитами не только среднеазиатского региона, но и меннонитами различных стран. Они оказывали взаимопомощь в первую очередь в своей среде, но не отказывали в помощи тем, кто в этом

нуждался. Им было свойственно объединяться в меннонитские кооперативные и общественные организации.

Поселившиеся в Туркестанском крае немцы-меннониты пользовались всеми положенными им по закону льготами. От несения воинской повинности, как и российские меннониты, освобождались. Служба в войсках им заменялась службой в пожарных командах лесного ведомства, с освобождением от ношения оружия. Лесные команды занимались посадкой деревьев и уходом за молодыми насаждениями.

Переселение на новые места не отразилось на внутренней жизни общины и привычках меннонитов. Они и здесь, продолжали жить, строго придерживаясь своих религиозных убеждений. Не соблюдавших, или игнорировавших правила общины членов, исключали и выселяли из общины. Так, например, 17 семейств меннонитов были выселены из Николайпольской общины, которые затем образовали село Орловку и проживали с подселенными к ним лютеранами (НАУз., 7: 51).

Социально-экономическая жизнь меннонитов. Аулие-Атинский уезд по своему географическому положению и мягкому климату представлял собой идеальное место для развития зерноводства, а также скотоводства - при наличии благоприятных условий для летнего выпаса в горах.

Меннониты по экономическому укладу в основном земледельцы и животноводы. За право получить землю и возможность её обработать, меннониты были готовы пешком пройти и переселиться за тысячи километров. Среди меннонитов были довольно преуспевающие деловые люди и основатели мукомольных мельниц, умелые кузнецы и столяры.

Немало компетентных лиц в дореволюционной России и Туркестане высказывали мнение о значительно положительном влиянии меннонитов на экономику и культуру края, о пользе их поселений. Вот что писал, например, военному губернатору Сырдарьинской области начальник Аулиеатинского уезда 15 ноября 1904 г.: «Благодаря немцам-меннонитам, их высокой культуре, возможности поучиться у них сельскому делу, поставленному очень рационально, как киргизы, так и крестьяне Горного участка много позаимствовали полезного от меннонитов. Убеждение, что меннониты не делятся или, лучше сказать, скрывают от других свою усовершенствованную систему хозяйства, не выдерживает критики. На каждом шагу в Горном участке у киргиз можно встретить немецкую бричку на железном ходу с дышловой упряжкой, немецкий плуг, отлично вспаханную землю, улучшенную породу рогатого скота. Еще в лучших условиях применено немецкое хозяйство у русских зажиточных крестьян; брички у всех крестьян русских поселков Горного участка приобрели право гражданства. Русской телеги нет, поэтому они заказывают плуги немцам. С помощью немцев русский крестьянин построил крупчатую мельницу, и все селение теперь ест белый хлеб; нередко во дворах крестьян можно встретить в качестве производителя немецкую лошадь. Немцы не скупятся продавать производителей и кобыл... Все изложенное дает мне нравственное право сказать, что меннониты полезны как хорошие хозяева...». В статье, опубликованной в газете «Русский Туркестан» 28 октября 1904 г., также признавалась полезность немецких колонистов: «...между тем аулиеатинских колонистов нельзя не признать в нашем крае за людей полезных, а потому помощь им в смысле увеличения надела необходима и не бесплодна: своею культурою они поднимут окружающее малокультурное население киргизской степи».

Несмотря на определенную замкнутость меннонитских общин, окружающим населением перенималось у них немало положительного во всех сферах жизни. Многие были заимствованы из хозяйства немцев-меннонитов. Так, по образцу немецких маслобоен русскими была заведена маслобойня в Дмитриевском (по производству сливочного масла). Как отмечалось выше, к 1912 г. в меннонитских селениях имелось 4 кустарных сыроваренных заведения. Открытый в Романовке завод, вырабатывавший сливочное масло, был единственным маслодельным заводом промышленного типа во всем Туркестанском крае. Молочные продукты, производившиеся немцами-меннонитами, пользовались большим спросом в значительной части Туркестана, а соседними жителями со временем перенималась технология их приготовления. Они занимались улучшением породности многих видов скота, который постепенно стал разводиться (правда, в небольших масштабах) русско-украинским и другим переселенческим населением, а также

коренными жителями. Известный в Семиречье пишпекский садовод А.М. Фетисов приобрел у немцев-меннонитов Аулиеатинского уезда на промышленной выставке в Ташкенте скот голландской породы для разведения и селекционной работы. В 1917 г. они пожертвовали русскому населению Александровского и Аулиеата двух бычков голландской породы. Пороdistые лошади и крупный рогатый скот продавались ими окрестным крестьянам-переселенцам, киргизам и казахам по 150-500 руб. за голову. В начале XX века переселенческое население на территории Кыргызстана имело немалое поголовье улучшенного скота, в том числе крупного рогатого скота «немецкой», или «аулиеатинской-меннонитской», породы. Так, в одном из источников отмечается, что в поселках крестьян в Туркестанском крае «теперь уже зачастую можно встретить коня, купленного у немцев-меннонитов, а также рогатый скот, приобретенный там же» (Кронгардт, 1997).

Определенное влияние было и в области земледелия. Немцы стали производить многие новые сельскохозяйственные культуры, которые покупались и затем стали выращиваться местным населением, жившим вокруг. Колонисты разводили лучшие и разнообразные сорта картофеля, который приобретался у них и как посевной населением русско-украинских селений как в Таласской долине, так и далеко за ее пределами. Особым спросом пользовался новый сорт красного картофеля, получившего название «Gloria Aulie-ata». Уже упоминавшийся выше краевед, редактор «Туркестанских ведомостей» Н. Маев отмечал, что немцам «все-таки принадлежит честь инициативы введения в нашем крае новых и лучших сортов картофеля». Они первыми стали расширять запашки овса. В 1886 г., например, немцами Аулиеатинского уезда было убрано 10,7 тыс. пудов овса, намного больше, чем пшеницы (7 тыс. пудов), 6,5 тыс. пудов картофеля.

Заимствовались орудия труда, применявшиеся и изготовлявшиеся немцами и меннонитами. Так, только в течение 1907 г. в поселении Орлово было куплено кыргызами свыше 300 плугов и около 100 фургонов. Кроме того, меннониты Таласской долины в начале XX века собирались открыть лечебницу и приемный покой для местного населения (Кронгардт, 1997: 101).

Таким образом, положительное воздействие меннонитского населения в экономике и других сферах жизни подтверждается многими фактами. Но оно не ограничивалось только совокупностью подобных фактов. Они оказывали общее культурно-экономическое влияние на окружающее население, а также осваивали необжитые, часто целинные, степные и полупустынные территории. Характерный пример этого - освоение территории, отданной в пользование и владение образованного в казахской степи поселка Алексеевского (Аулиеатинский уезд), основателями и жителями которого стали выходцы из немецко-меннонитских селений долины р. Таласа. Вследствие нехватки или полного отсутствия земельных наделов многие меннониты готовы были получить их в степных малолюдных местностях с обязательством провести на них лесопосадки. Вот что, в частности, предлагал 4 июля 1913 г. заведующему переселенческим делом в Аулиеатинском уезде выходец из Таврической губернии на территории Украины, временно проживавший в селении Николайполь Исаак Шпенст: «...как я помню, некоторое время тому назад в «Туркестанских ведомостях» был затронут вопрос о разведении лесов в безлесных степях Туркестана, то не будет ли уместно двинуть дело дальше и ходатайствовать перед кем следует, не окажется ли все-таки возможным наделять нас, меннонитов, землю, причем гарантирую, что не откажемся для начала рассадить с двора по десятине и больше лесными деревьями на особом отведенном от начальства участке» (Кронгардт, 1997: 101).

К примеру, акмечетских меннониты стали выращивать непривычные для этого региона овощи - баклажаны, помидоры, огурцы, капусту, картофель, землянику и пряности. Постепенно расширялись масштабы мясомолочного животноводства, коневодства, сыроварения, ремесел. По воскресеньям торговали избытками мясомолочных продуктов, сырами, вином, первоначально только в поселении, затем стали заниматься этим промыслом более широко и вывозить свою продукцию на базары Хивы, Ургенча, Ташауза и других городов края. Их продукция отличалась высоким качеством, красивой упаковкой, а главное - дольше сохранялась от порчи.

Меннониты Туркестана оставили позитивный след не только в экономике края, в применении новых технологий, но и в архитектуре. По приглашению хивинского хана Исфандияра акмечетские меннониты принимали участие в отделочных работах новых дворцовых зданий, построенных в начале XX века. Так, по приказу последнего хивинского хана Исфандияра, местные зодчие совместно с приглашенным из Москвы архитектором А.Н. Роопом построили летнюю резиденцию дворцовый комплекс Нуруллы-бая. В отличие от остальных дворцовых зданий Хивы этот дворец имел высокие двери, огромные окна, паркетные полы, сделанные первоклассными акмечетскими меннонитскими мастерами. В его помещениях из привозной древесины (дуба, мореного дуба и клена) меннониты смастерили карнизы, дверные и оконные блоки в европейском стиле с использованием французского лака и позолоты, а также художественно выполнили паркетные полы со сложным геометрическим рисунком. Меннонитские мастера составили и орнаментальные рисунки для изразцов 10 печей, установленных в помещениях. Кафельные плитки для печей по спецзаказу изготавливались на Императорском фарфоровом заводе (ныне завод им. М.В. Ломоносова в Санкт-Петербурге). По мнению многих исследователей, архитектура и декоративное убранство интерьеров монументальной постройки представляют собой смесь старинного хорезмского стиля с европейским стилем и ложным классическим западноевропейским стилем «ампир» XVII–XVIII вв. (Иноятова, 2019: 148)

Кроме того, акмечетские немцы-меннониты привлекались для выполнения столярных работ (оконные рамы и паркет) в Кубла-тоза Баг – летней резиденции Мухаммад Рахимхана II Бахадура. В одном из залов сохранился расписной плафон, на котором меннонитский художник-любитель нарисовал пейзаж, навеянный воспоминаниями о далекой родине - зеленые берега Волги и мельницу. Скорее всего, этот же живописец являлся и автором разрисовки медальонов в виде летающих амурчиков, павлиньих перьев и бантиков на потолке в помещении № 2 приемной хана Асфандияра [Иноятова, 2019:148].

В Хиве по заказу визиря Ислам-ходжи под руководством А.П. Роппа с участием акмечетских немцев-меннонитов были построены еще два здания европейского образца: почтово-телеграфное отделение (1910 г.) и больница (1911–1913 гг.). Они возведены за чертой «внутреннего» города, на территории Дишан-калы. На фасаде здания хивинской больницы имелась надпись голубыми изразцами: «Больница имени цесаревича Алексея». В оформлении больницы принимал участие художник из Хорезма Абдулла Балтабаев (Каландаров и др., 1962: 66). Почта, как и здание приемного дворца хана Асфандияра была отделана гладкими синими изразцами, расположенными в шахматном порядке; этот прием типичен для хорезмского искусства начала XX в.

Описанные архитектурные строения в наше время были отреставрированы. Труд А.Н. Роппа и акмечетских мастеров наравне с местными мастерами вошел в сокровищницу культуры Узбекистана. По мнению реставратора Р. Тохтаева, паркетные полы в дворцовом комплексе Нуруллыбая «имеют художественную и историческую ценность и являются памятником истории развития декоративного оформления интерьера в сооружениях Средней Азии». Реставратор Р. Беширов считает, что «все виды декора и предметы внутреннего убранства дворца представляют собой историческую ценность, а часть из них (изразцовые печи) – художественную ценность» (Каландаров и др., 1962: 66).

Дворцовый комплекс Нуруллы бая до 1912 г. был летней резиденцией хивинского хана Мухаммад Рахимхана II Бахадура, затем его сына Исфандиярхана. В 1920 г. в нем работало правительство Хорезмской Народной Республики. В 1924 г. здесь жил выдающийся узбекский поэт Хамза Хаким-заде Ниязи (Каландаров и др., 1962: 66).

Как отмечалось ранее, среди акмечетских немцев-меннонитов были умелые столяры, резчики по дереву и плотники. Они очень скоро приобрели токарные и другие станки, стали снабжать фургонами, приспособлениями к местным арбам, мебелью и прочими изделиями Хиву и близлежащие города. Освоив кузнечное дело, они занялись починкой сельхозинвентаря и машин по очистке хлопка. Каждый зажиточный хивинец, строя дом, охотно приглашал

специалистов по сооружению дверей, полов и оконных рам. Многие из них работали придворными ханскими мастерами. Во всех дворцах Хивы и в бекских помещениях непременно имелось ханское место, где хан сидел или полулежал, принимая посетителей, беседовал со своими ближайшими сановниками. Все эти места немецкого изделия имели одинаковый вид: это широкая скамья из простых досок, не обитая, выкрашенная черной краской и украшенная трафаретными букетами роз по черному фону. Без этой мебели немисливо было пребывание хана в каком-либо дворце или бекском доме в провинциях обширного Хивинского ханства (НАУз., 222: 50). Для перевозки грузов акмечетские немцы-меннониты строили так называемые немецкие фургоны и брочки. Цену за свою работу они назначали сами по окончании работы, с ними хивинцы не торговались. Оплата за их работу была дороже: простой немецкий фургон, который из России можно было выписать за 80-120 руб. здесь можно было заказать только за 100-150 руб. (НАУз., 222: 51).

Говоря о влиянии меннонитов, не следует забывать, что численность его в крае в то время была невелика, и оно не могло распространяться по преимуществу дальше соседних с немецкими селениями местностей. В ближайших к немецким селениям местностях воздействие немцев на жизнь и культуру местного населения было довольно заметно. Так, в одном из исторических источников говорится о влиянии немцев-меннонитов на кыргызов, располагавшихся в долине р. Талас: «Близость культурных немецких поселков оказала большое влияние на склад жизни киргиз в смысле оседания и улучшения коневодства. Киргизы даже имеют постройки немецкого типа и охотно перенимают немецкий язык»

Не только окружающее местное население овладевало немецким языком, но и значительная (если не преобладающая) часть немцев-меннонитов умела говорить по-киргизски. Так, из списка, включавшего 29 немцев Аулиеатинского уезда (мужского пола), 28 человек, помимо немецкого, знали и киргизский язык. Он был среди немцев наиболее распространен (после родного языка). Русский язык из указанных в этом списке знали только 5 человек. В поселке «Ак-Мечеть» почти все меннониты свободно изъяснялись на узбекском языке и имели популярные в крае имена (Отовай, Матчан, Ишан) (Иноятова, 2019: 111).

С установлением Советской власти меннониты продолжали держаться обособлено, не сливаясь ни с местным, ни с русскоязычным населением.

Воспитание детей велось исключительно по классическому немецкому образцу. Меннониты категорически отказались учиться по учебникам советского типа. Решительно отвергалось и какое-либо вмешательство в учебный процесс районного отдела народного образования. Закон Божий преподавался 6 раз в неделю. По праву, данному родителями детей, учителя наказывали учеников ремнем и линейкой (ХОГА, 69: 546).

И если аулиеатинские меннониты, хоть и с большим трудом, но все же были подвергнуты «советизации», хивинские меннониты, по сообщению работников НКВД, к сер. 30-х гг. XX в. «абсолютно не подвергнуты советскому влиянию, не имея даже на данный момент никаких советских организаций, коопераций ... А в домах меннонитов и сейчас можно увидеть портреты бывшего хивинского хана, который ими считается, как справедливый правитель... Община меннонитов отличались своей зажиточностью, чистотой и пристрастием к порядку. В их распоряжении оставались 60 га культурной земли, из коей 58% под нажимом районных властей использовались под посевы хлопка. План ежегодно перевыполнялся. Даже проверяющие НКВД в Хиве отмечали, что урожай хлопка у меннонитов был 1000 кг с га, тогда как у местного хлопкороба 600 кг» (ХОГА, 69: 546). Напрашивается вопрос: почему переселенцы за достаточно короткое время получали более высокие урожаи, чем местные жители, опыт которых они перенимали? Дело в том, что, изначально почти все меннониты были рачительными хозяевами, и ими учитывалось абсолютно всё, и трёхпольная система севооборота, когда пары закладываются, и часть земли, которая должна год отдыхать.

Необходимо отметить, что в связи с недостаточностью земли, которую выделили меннонитам для обустройства, основной доход они получали от животноводства. Фермерские хозяйства имели племенной скот. В качестве тягловой силы были лошади и

ослы. Каждое личное хозяйство стремилось организовать свою молочную ферму. В это время община имела 13 сепараторов, посредством которых производилась переработка молока. Получаемая продукция, масло, сметана, жирный творог реализовывалась меннонитами по частным ценам в районах Хорезмского и Ташаузского округов. Другим значительным источником средств меннонитов являлось кустарное производство (кузнечное, столярное и т.д). Крупными мастерами и подрядчиками в колонне были двое: Герман Ризен и Классен Гергард, выполняющие зачастую подряды за крупную сумму. Группа меннонитов: Янсен Гергард, Классен Гергард, Янсен Герман, Густав Классен и др. не имея достаточной доходности от мелкого кустарного производства, землю арендовали у коренных жителей колонны - Эмиля Ризена (78 лет) крупного торговца, у бывшего крупного торговца Корнелиуса Паульса и др. (ХОГА, 69: 546).

Возможно, одной из главных причин не восприятия меннонитами новой власти было то, что их пугало безбожие советской власти. Религия, занимавшая большое место в жизни меннонитов, накладывала свой отпечаток на их взгляд на общественно-политическую жизнь в стране. За категоричный отказ подчиняться советским законам и вступать в колхоз хивинские «Ак-Мечетские» меннониты - 78 семей (323 человека) 27 апреля 1935 г. были депортированы и направлены в спецпоселки Вахшстроля Таджикистана (Сталинские депортации, 2005: 50). После депортации хивинских меннонитов, в Узбекистане осталось совсем незначительная часть меннонитов, которые продолжали жить разрозненно и общин не создавали. Более того, накануне и в годы второй мировой войны советское правительство уже не делало различий в правовом отношении между немцами и меннонитами. Меннониты, так же как и лютеране, рассматриваемые правительством как лица немецкой национальности и подозреваемые в пособничестве Германии, находились под особым надзором полиции, что и отразилось на их жизни. В связи с этим, та, небольшая часть меннонитов, оставшихся в Узбекистане, примкнула к баптистам, имеющим ряд сходных элементов веры, другая, к лютеранам и до сих пор проживает в Узбекистане. Имеющиеся факты позволяют сделать вывод, что религия оказывала большое влияние на культуру и жизнь немцев. Возможно, их религиозность объясняется не только обычаями, традициями, особенностями менталитета, но была вызвана необходимостью сохранения себя как этноса в инонациональной среде, сплочения в трудностях, вызванных частыми миграциями. Однако ряд утверждений о достаточной замкнутости, об оторванности немецкого населения в крае от соседних народов, в частности меннонитов, верны лишь отчасти. Опрошенные нами в 2007 году хивинцы, (а осталось их единицы, т.к. их возраст перевалил уже давно за 80 лет) помнят о меннонитах не как о религиозной секте, замкнувшейся в своей общине, а как о немцах внимательных, добрых соседях, оказывавших помощь всем, кто в этом нуждался, и расценивали это не как подвиг, а как обязанность помочь ближнему во время нужды. Более того, за пятидесятилетний период пребывания общины в крае, не зафиксирован ни один конфликт с хивинцами, ни на религиозной, ни на бытовой почве. Возможно, эти отношения подкреплялись тем, что в свою очередь и местное население, не смотря на разность исповедуемых религий, доброжелательно относилось к переселенцам. Хивинцы с самого начала их поселения всячески старались помочь им. Благодаря их советам, меннониты научились в новых для них климатических условиях правильно обрабатывать засоленную почву и применять искусственное орошение. Думаю, что эти отношения также укреплялись и тем, что Саид Мухаммад Рахимхан II, в сложный для меннонитов период помог им и переселил их поближе ко дворцу, хорошо относился к ним, несколько раз навещался в общину, подарил им орган, которым они пользовались при богослужении. Возможно, в благодарность за это хивинские меннониты, в отличие от аулиеатинских были более открыты для общения. С местным населением жили в дружбе, освоили их язык, обычаи, культуру, ходили в гости. Вильгельм Пеннер (в народе Панор бобо) научил хивинца Худайбергена Диванова искусству фотографии и дал ему первые уроки русского языка. Примеров добрых взаимоотношений с местным населением можно привести достаточно много, но даже эти примеры показывают насколько они были позитивными.

Подводя итог, отметим, что, переселившиеся в край меннониты создали свои компактные диаспоры и жили, строго следуя библейским предписаниям. Подавляющее их большинство занималось земледелием, воспринимаемым как следование религиозным обязанностям.

Несмотря на сложные климатические условия, они своим трудолюбием внесли весомый вклад в развитие хозяйства. Местные крестьяне, а также другие европейские переселенцы переняли у них полезные навыки по возделыванию новых видов огородных растений – помидор, огурцов, баклажан, картошки, ягод и т.д. Благодаря меннонитам, в быту хивинцев появились новые предметы домашнего обихода - столы, стулья, табуретки, шкафы, оконные рамы, двери. Своим толерантным отношением к коренному населению, они снискали доброжелательное и уважительное отношение к себе, которое высоко ценят хивинцы и сегодня.

Список литературы и источников

- Belk F.R. The Great of the Russia Mennonites to Central Asia. 1880-1884. 2001. – P. 87-132.
- Гентшке В.Л. Меннониты в Туркестане. Документы ЦГА Республики Узбекистан. 1880-1883 гг. // Исторический архив. – М, 2001. – №3. – С.173-181;
- Жукова Л. Меннониты в Хорезме // Этнический Атлас Узбекистана. – Ташкент, 2002.
- Иноятова Д.М. Немецкая диаспора Узбекистана: вехи истории. Монография. – Ташкент: Turon-iqbol, 2019. – 424 с.
- Каландаров Н., Абдурахимов М., Самандаров С., Середа Т. Хорезм: краткий справочник-путеводитель. – Ташкент, 1962. – С. 66.
- Колемасова Н.Х. Христианское сектантство в Узбекистане. – Ташкент, 1986.
- Кригер В. Рейн-Волга-Иртыш: из истории немцев Центральной Азии. – Алматы, 2006.
- Кронгард Г.К. Немцы в Кыргызстане 1880-1890 гг. – Бишкек: Илим, 1997. – 415 с.
- Матвеев А.М. К вопросу о выходцах из Германии в Средней Азии в конце XIX - начале XX века. Научные труды ТашГУ, выпуск 392. – Ташкент, 1970.
- Махсудов Д. О религиозной толерантности и подходах в Узбекистане. – [Электронный ресурс] - <https://uz.sputniknews.ru/20220405/v-tashkente-otkrylsya-sad-tolerantnosti-grafika-23791083.html> (дата обращения: 5.04.2022 г.).
- НАУз. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 182. Л.16, 17.
- НАУз. Ф. И-36. Оп.1. Д. 1778. Л. 9, 10, 28, 30, 32.
- НАУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 5221, Л. 51-53
- Сталинские депортации. 1928-1953 / Под общей редакцией академика А.Н. Яковлева. – М.: МФД: Материк, 2005. – С. 50-53.
- НАУз.Ф.И-7. Оп.1. Д. 5221. Л.51.
- НАУз Ф. И-2. Оп. 1. Д. 314. Л. 50.
- Fred Richard Belk. The Great Trek of the Russian Mennonites to Central Asia 1880-1884. 2001.
- Хорезмский областной государственный архив (ХОГА). Ф. 69. Оп.1. Д.546.
- Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917-1924 гг. – Москва, 2003.
- Штремплер И.И. Село меняет облик. – Фрунзе, 1972. – С. 6.

References

- Belk F.R. The Great of the Russia Mennonites to Central Asia. 1880-1884. 2001. – P. 87-132. [in English]
- Gentshke V.L. Mennonity v Turkestane. Dokumenty SGA Respubliki Uzbekistan. 1880-1883 gg. [Mennonites v Turkestane. Documents SGA Republic of Uzbekistan. 1880-1883 gg.] // Istoricheskii arhiv. – M., 2001. – №3. – S.173-181. [in Russian]
- Zhukova L. Mennonity v Khorezme [Zhukova L. Mennonites in Khorezm] // Etnicheskiy Atlas Uzbekistana. – Tashkent, 2002. [in Russian]
- Inoyatova D.M. Nemetskaya diaspora Uzbekistana: vekhi istorii. [Inoyatova D.M. German diaspora in Uzbekistan: milestones in history]. Monografiya. – Tashkent: Turon-iqbol, 2019. – 424 s. [in Russian]
- Kalandarov N., Abdurakhimov M., Samandarov S., Sereda T. Khorezm: kratkiy spravochnik-putevoditel'. [Khorezm: a brief reference guide]. – Tashkent, 1962. – S. 66. [in Russian]

- Kolemasova N.Kh. Khristianskoye sektantstvo v Uzbekistane [Christian sectarianism in Uzbekistan] – Tashkent, 1986. [in Russian]
- Kruger V. Reyn-Volga-Irtysh: iz istorii nemtsev Tsentral'noy Azii [Rhine-Volga-Irtysh: from the history of the Germans of Central Asia]. – Almaty, 2006. [in Russian]
- Krongard G.K. Nemtsy v Kyrgyzstane 1880-1890 gg. [Germans in Kyrgyzstan 1880-1890]. – Bishkek: Ilim, 1997. – 415 s. [in Russian]
- Matveyev A.M. K voprosu o vykhodtsakh iz Germanii v Sredney Azii v kontse XIX - nachale XX veka [On the issue of immigrants from Germany in Central Asia at the end of the 19th - beginning of the 20th century]. Nauchnyye trudy TashGU, vypusk 392. – Tashkent, 1970. [in Russian].
- Stalinskiye deportatsii. 1928-1953 [Stalinist deportations. 1928-1953] / Pod obshchey redaktsiyey akademika A.N. Yakovleva. – M.: MFD: Materik, 2005. S. 50-53. [in Russian]
- Chebotareva V.G. Narkomnats RSFSR: svet i teni natsional'noy politiki 1917-1924 gg. [Narkomnats RSFSR: light and shadows of national policy 1917-1924]. – Moskva, 2003. [in Russian]
- Shtrempler I.I. Selo menyayet oblik [The village is changing]. – Frunze, 1972. – S. 6. [in Russian]

FTAMP 03.26

ТҮРКІСТАНДАҒЫ МЕННОНИТТЕР: ДИАСПОРИЗАЦИЯ ҮДЕРІСТЕРІ

Д.М. Иноятова*

М. Ұлықбек атындағы Өзбекстан ұлттық университеті, Өзбекстан, Ташкент.

*Автор-корреспондент

E-mail: indima59@mail.ru (Иноятова)

Аңдатпа. Мақалада Түркістан аумағында неміс меннониттер диаспорасының қалыптасу кезеңдері қарастырылған. Ресейден басқа орыс халықтары арасында меннониттік немістердің жаппай қоныс аударуы және олардың Түркістан жерінде диаспора құруы XIX ғасырдың екінші жартысында басталды. Диаспоралық проблема контекстіндегі зерттеуді талдау бұл ретте, ең алдымен, Еділ, Таврия және Ресейдің орталық аймақтарынан екінші реттік көші-қон ағындарына сәйкес орын алған ерікті көші-қон процестері үлкен рөл атқарғанын көрсетті. Зерттеу нәтижелері бойынша миграцияның себептері бір-бірімен тығыз байланыста болатын саяси, экономикалық және діни болып сараланады. Сондай-ақ, Түркістандағы диаспораның қалыптасуының тарихи алғышарттары талданады: көші-қон процесінің күрделілігі; неміс елді мекендерінің қалыптасуы (олар өз қауымдарын (диаспораларын) ұлттық бойынша емес, өздері келгеніне ұқсас діни принцип бойынша құрды); оның жаңа өмір сүру жағдайларына бейімделу мәселелері; жергілікті халықпен қарым-қатынас; оның шетелдік мәдени ортаға интеграциялануы, өзіндік ерекшелігі мен өзіндік ерекшелігін сақтау; популяцияның өзгеруі. Қорытындылай келе, меннониттер азиялық жағдайға жақсы бейімделіп қана қоймай, сонымен бірге аймақтың экономикасы мен мәдениетін дамытуға үлес қоса алғанын атап өтеміз.

Түйін сөздер: Түркістан, Ресей, Хиуа хандығы, Ақмечет меннониттері, Әулиеаттық меннониттер, лютерандар, көші-қон, бейімделу.

IRSTI 03.26

MENNONITES IN TURKESTAN: DIASPORIZATION PROCESSES

D.M. Inoyatova*

M. Ulugbek National University of Uzbekistan, Uzbekistan, Toshkent

*Correspondent author

E-mail: indima59@mail.ru (Inoyatova)

Annotation. The article discusses the stages of the formation of the German Mennonite diaspora in the territory of Turkestan. The mass resettlement of Mennonite Germans, among other Russian peoples, from Russia, and the formation of a diaspora by them on the territory of Turkestan, began in the second half of the 19th century. An analysis of the study in the context of the problem of diasporality showed that it was voluntary migration processes that played a huge role in this, which took place in line with secondary migration flows, primarily from the Volga, Taurida and central regions of Russia. According to the results of the study, the causes of migrations are differentiated as political, economic and religious, which are closely interconnected. The article analyzes the historical prerequisites for the formation of the diaspora in Turkestan: the complexity of the migration process; the formation of German settlements (they created their communities (diasporas) not according to the national, but according to the religious principle, similar to the one from which they arrived); problems of its adaptation to new living conditions; relationships with the local population; its integration in a foreign cultural environment, its preservation of identity and originality; population changes. In conclusion, we note that the Mennonites managed not only to adapt well in Asian conditions, but also to contribute to the development of the economy and culture of the region.

Key words: Turkestan, Russia, Khanate of Khiva, Akmechet Mennonites, Aulieatian Mennonites, Lutherans, migration, adaptation.

Сведения об авторе:

^{1*} Доктор исторических наук, профессор

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

І.Ғ. Ғалымова Арабтілді деректердегі Орталық Азияның этникалық тарихы.....	5
Т.Н. Мухажанова, Г.Е. Сабденова, Д.С. Байгунаков Мажар этномәдениетіндегі түркілік контекст.....	19
А.Р. Хазбулатов, А.И. Ибрагимов Практика сохранения традиционных ремесел в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.....	33
Д.Б. Касымова, М.Ч. Калыбекова Казахи в Туркменистане в начале 1930-х гг.: эпизоды противостояния советской власти.....	45
Е.Ш. Ақымбек, М.С. Шагирбаев Талас өңіріндегі ортағасырлық төрткүлдердің зерттелу тарихы.....	58
О.Х. Мұхатова Қазақстанда ХІХ-ХХ ғасырдың бас кезіндегі білім берудің революцияға дейінгі тарихнамасы.....	77
А.Қ. Ахмет, Ғ.А. Шотанова Неплюев училищесінің қазақ түлектері.....	92
Л.С. Динашева, Г.Ж. Примкулова, М.О. Аксой ХІХ ғ. 60-70 жж. патша үкіметінің Оңтүстік Қазақстанда жүргізген қоныс аудару саясаты және көпэтносты құрылымның қалыптасуы.....	105
О.Б. Қуанбай, Н.Н. Құрманалина Қазақ-жоңғар күресі кезеңіндегі тұлғалардың зерттелу мәселелерінен (қазіргі қазақстандық еңбектерде).....	119
С.А. Асанова, А.Т. Капаева Некоторые аспекты истории казахской культуры второй половины ХХ века.....	129
Р.Х. Муртазаева Подготовка женщин-лидеров – неотъемлемый элемент достижения целей развития Узбекистана.....	143
А.Ш. Махаева, О. Чаргынова Түркі халықтарының өзара байланыстарын зерттеудің кейбір мәселелері (ХІХ ғ. екінші жартысы мен ХХ ғ. басы).....	151
З.К. Сураганова, К.К. Сарсембина Ұлы даланың есте қалдыру мәдениеті шеңберіндегі қымызға қатысты мерекелер, рәсімдер мен ғұрыптардың символдық қоры.....	163
Қ.Қ. Жылқышыбаева, А.Т. Жағыпар Қазақ қоғамындағы әйелдердің әлеуметтік және саяси ролі.....	177

О. Кuanбай Features of functioning of the institution of kazakh batyrs (XVIII – XIX c.).....	192
Д.М. Иноятова Меннониты в Туркестане: процессы диаспоризации.....	205
Soner Saglam, Yashar Sozen Consideration of the concept of criticism as a social theme in Jambyl Jabayev's poems.....	218
Ә.Ә. Тәжекеев, Ы.С. Құрманязов, Е. Каналхан ЖЕТИАСАР ЕСКЕРТКІШТЕРІ ӨЛКЕТАНУШЫ ҒАЛЫМДАРДЫҢ ЕҢБЕКТЕРІ МЕН РЕСЕЙ ИМПЕРИЯСЫНЫҢ КАРТОГРАФИЯЛЫҚ МАТЕРИАЛДАРЫНДА (XIX ғ. аяғы – XX ғ. басы).....	230

Редакцияның мекен-жайы:

050010, Қазақстан Республикасы
Алматы қ., Шевченко көш., 28,
ҚР БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
«edu.e-history.kz» журналының редакциясы
Телефон: +7 (727) 261-67-19
E-mail: edu.history@bk.ru
Электрондық мекен-жайы: www.edu.e-history.kz

Журнал 2013 жылдан бастап шығады.

Қазақстан Республикасы Инвестициялар және даму министрлігінің Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде 2014 ж. 29 қазанында тіркеліп, № 14602-ИА куәлігіне ие болды.